

DOI: 10.31696/S086919080032537-7

СПОРЫ О ТАХТИ-САНГИНЕ: ХРОНОЛОГИЯ¹

© 2024

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Резюме: Несмотря на то, что раскопки на городище Тахти-Сангин начались без малого сто лет назад, вопросы о дате возникновения города и основания храма Окса всё ещё далеки от своего решения. В последнее время стало набирать популярность мнение о появлении памятника в ахеменидский период. В статье приводятся аргументы, свидетельствующие о том, что параметры сырцового кирпича, базы колонн и даже обнаруженные фрагменты керамики Яз III не дают оснований отказываться от предложенной Б.А. Литвинским даты основания Тахти-Сангина в начале III в. до н.э. Так, использованный при возведении храма Окса квадратный кирпич формата 50–52×50–52×12–14 см не находит аналогий в ахеменидских памятниках. Композитный характер торовидных колонных баз отнюдь не свидетельствует об изготовлении последних в ахеменидскую эпоху. Композитные и монолитные базы в VI–III вв. до н.э. бытовали параллельно, а выбор их конструкции определялся в первую очередь качеством имевшегося в распоряжении строителей материала и уровнем мастерства каменотесов.

Фрагменты позднеахеменидской керамики из швов стен теменоса храма Окса были известны уже Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну, однако не повлияли на их хронологические выводы. Это объясняется не только тем, что на памятнике ни тогда, ни позднее не были открыты слои, которые можно было бы датировать ахеменидским временем. В последней трети IV – первых десятилетиях III в. до н.э. население среднеазиатских сатрапий продолжало изготавливать и использовать керамику, генетически связанную с позднеахеменидским периодом.

Значение рассмотренных в статье археологических источников далеко выходит за рамки хронологии только одного памятника. Представленные выше данные предостерегают нас от попыток прямолинейной синхронизации изменений, стремительно происходивших в политической сфере, и гораздо более неспешных процессов эволюции материальной культуры.

Ключевые слова: Таджикистан, Тахти-Сангин, сырцовые кирпичи, колонные базы, керамические комплексы

Для цитирования: Балахванцев А.С. Споры о Тахти-Сангине: хронология. *Восток (Oriens)*. 2024. № 5. С. 20–30. DOI: 10.31696/S086919080032537-7

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный 20.12.2023 г. на международной научной конференции «Восточный эллинизм: новые данные» (Москва, ИА РАН).

DISPUTES ABOUT TAKHTI-SANGIN: CHRONOLOGY

© 2024

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Abstract: *Despite the fact that excavations at the site of Takhti-Sangin began almost a hundred years ago, questions about the date of the founding of the city and foundation of the Oxus temple are still far from being resolved. The article provides arguments indicating that the parameters of the mud brick, column bases, and even the discovered fragments of Yaz III ceramics do not provide grounds to abandon B.A. Litvinsky's assumption that the founding of Takhti-Sangin can be dated back to the early 3rd century BC. Thus, the square bricks of the 50–52×50–52×12–14 cm format used in the construction of the Oxus temple have no analogies among the Achaemenid monuments. The composite nature of the column bases does not at all indicate that the latter were manufactured in the Achaemenid era. Composite and monolithic bases existed in parallel in the 6th – 3rd centuries BC. Fragments of late Achaemenid ceramics from the wall seams of the temenos of the Oxus temple were already known to B.A. Litvinsky and I.R. Pichikyan, but this did not affect their chronological conclusions. This is explained not only by the fact that any layers that could be dated to the Achaemenid period have not been discovered both at the time of Litvinsky's work and later. In the last third of the 4th – first decades of the 3rd century BC, the population of the Central Asian satrapies continued to produce and use ceramics genetically related to the late Achaemenid period.*

Keywords: Tadjikistan, Takhti-Sangin, mud bricks, column bases, ceramic complexes

For citation: Balakhvantsev A.S. Disputes about Takhti-Sangin: Chronology. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 5. Pp. 20–30. DOI: 10.31696/S086919080032537-7

Хотя первые исследования на Каменном городище, которое позднее получило название Тахти-Сангин, состоялись в 1928 г.², вопросы, связанные с хронологией памятника – как городища, так и храма Окса – всё ещё далеки от своего решения. А.М. Мандельштам, проведший раскопки на памятнике в 1956 г., полагал, что его нижние слои относятся к III–II вв. до н.э. [Мандельштам, 1966, с. 148]. И.Р. Пичикян, руководивший Тахтикобадским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции, работавшим на городище в 1976–1991 гг., датировал завершение строительства храма Окса 330–300 гг. до н.э. [Пичикян, 1991, с. 149–150]. Сам же начальник экспедиции, Б.А. Литвинский, вслед за П. Бернаром [Bernard, 1994, p. 508], считал, что храм был возведён в начале III в. до н.э., при ранних Селевкидах [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 183, 367–368; Литвинский, 2010, с. 14].

Таким образом, несмотря на имевшиеся между исследователями расхождения, вплоть до недавнего времени дата возведения храма Окса не выходила за рамки раннеэллинистического периода. Ситуация радикально изменилась в 2023 г., когда на проходившем в Душанбе симпозиуме «Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада» прозвучало три доклада, в которых так или иначе обосновывалась идея о появлении храма в ахеменидскую эпоху. А.-П. Франкфор, ссылаясь на находки ахеменидской керамики

² Их провели сотрудники Музея восточных культур из Москвы [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 43 (с представляющей литературой)].

А.П. Дружининой³ и свойственную именно ахеменидскому времени конструкцию колонных баз, состоящих из круглого тора и изготовленного отдельно плитня, предположил, что в окрестностях Тахти-Сангина на городище Тахти-Кобада находилось важное ахеменидское поселение, а также высказал идею о переносе⁴ святилища Окса с Тахти-Кобада на Тахти-Сангин при Антиохе I [Francfort, 2023, p. 9–11, 13]. А.П. Дружинина, руководившая раскопками на Тахти-Сангине в 1998–2010 гг., основываясь на находках в стенах и штукатурке фрагментов столовой парадной⁵ посуды ахеменидского времени рубежа V–IV вв. до н.э., использовании квадратного кирпича формата 50–52×50–52×12–14 см, а также композитном характере колонных баз и различной обработке их поверхности, пришла к выводу, что храм Окса относится к ахеменидскому времени [Дружинина, 2023, с. 25–34]. Аналогичного мнения о строительстве храма в конце V в. до н.э. придерживается и Н. Ходжаева [Ходжаева, 2023(2), с. 67–68].

Естественно, что высказанные выше соображения по датировке храма Окса заслуживают самого пристального внимания. Начнём с того, что взгляды их авторов довольно сильно отличаются друг от друга. Так, гипотеза А.-П. Франкфора по сути представляет собой попытку согласовать датировки А.П. Дружининой и Б.А. Литвинского. С одной стороны, французский исследователь подчёркивает важность находок ахеменидских артефактов и архитектурных деталей, но с другой – склоняется к мысли о возникновении храма Окса в Тахти-Сангине только при Антиохе I. Однако стремление примирить несовместимые друг с другом мнения приводит А.-П. Франкфора к серьёзному логическому противоречию. В самом деле, если ахеменидская керамика действительно датируется концом V в. до н.э., то ни о каком переносе храма с Тахти-Кобада на Тахти-Сангин при Антиохе I говорить не приходится. Если же такой перенос⁶ действительно имел место, то эта керамика никак не может быть ахеменидской.

В отличие от А.-П. Франкфора, А.П. Дружинина и Н. Ходжаева занимают по вопросу датировки храма Окса более последовательную позицию. Для её оценки представляется целесообразным ещё раз проанализировать те категории археологических источников (кирпич, колонные базы, керамика), на которых она основана.

СЫРЦОВЫЙ КИРПИЧ

Разговор о датирующих возможностях сырцового кирпича следует начать с констатации того очевидного, но часто игнорируемого некоторыми исследователями факта, что в ахеменидское время для него не существовало единого, «имперского» стандарта. Так, в Пасаргадах со второй половины VI до второй половины III вв. до н.э. использовались кирпичи формата 34×34×10 см [Stronach, 1978, p. 87, not. 29]. Расположенный в 6 км к югу от гробницы Кира павильон Танг-и Болаги построен из кирпича со сторонами 33×33×10–11 см

³ А.-П. Франкфор оговаривает, что датировка керамики не концом IV, а началом V в. до н.э. требует подтверждения [Francfort, 2023, p. 11]. Следует отметить допущенную автором ошибку: в работах А.П. Дружининой речь шла вовсе не о начале, а о конце V в. до н.э. [Дружинина, 2023, с. 26].

⁴ При этом А.-П. Франкфор странным образом забывает сослаться на Б.А. Литвинского, который неоднократно высказывал предположение о том, что на месте эллинистического храма Окса, рядом с ним или на некотором расстоянии от него уже в V в. до н.э. существовало более древнее святилище (протохрам) Окса [Литвинский, Пичиян, 2000, с. 368, 373; Литвинский, 2010, с. 5, 39, 455, 466].

⁵ Определение «парадная» представляется совершенно неуместным: у Ахеменидов керамика никогда не пользовалась престижем. Так, по свидетельству Афиня, тому, кого Великий царь лишал почестей, приходилось есть с глиняной посуды (*Athen.* XI. 464a).

⁶ Замечу, что сама идея о переносе святилища (дома божества) в другое место не имеет под собой достаточных оснований. И хотя в эпоху эллинизма известны случаи переселения жителей из старого города в новый, например, из Вавилона в Селевкию на Тигре [Francfort, 2023, p. 13], храмы при этом оставались на прежнем месте.

[Atai, Boucharlat, 2009, p. 12]. В Персеполе стены Ападаны и Сокровищницы сооружали из кирпича с размерами 32–34×32–34×12–14 см [Schmidt, 1953, p. 72, 159]. В недавно открытом к западу от Персеполя памятнике второй половины VI в. до н.э. Тол-е Аждори использовался кирпич со сторонами 32,5–33×32,5–33×8–8,5 см [Askari Chaverdi, Callieri, 2020, p. 188]⁷. Таким образом, сохраняет свою силу вывод, что для Фарса в целом в ахеменидскую и селевкидскую эпоху характерен кирпич формата 34×34×12 см [Stronach, 1978, p. 143]. Интересно, что стены ахеменидских дворцов в Гумбати (Восточная Грузия) и Караджамирли (Северо-Западный Азербайджан), которые, по моему мнению, были построены присланными из столичного региона мастерами, тоже возводились из кирпича аналогичного формата – 32–34×32–34×12 см [Gagoshidze, 2018, p. 227; Искендеров и др., 2019, с. 117].

Похожая ситуация наблюдается в расположенных неподалеку от Фарса Сузах. Во дворце Дария I использовался квадратный кирпич со стороной 32–33 см [Hesse, 1972, p. 223–224, fig. 68]. При строительстве дворца Артаксеркса II применялся квадратный кирпич формата 32–33×32–33×10 см [Perrot et al., 1971, p. 40; Boucharlat, Labrousse, 1979, p. 62; Boucharlat, 2013, p. 377]. Этот же стандарт кирпича (33×33×13 см) сохранялся в Сузах и в эллинистическую эпоху [Ghirshman, 1954, p. 13; Литвинский, Пичикян, 2000, с. 138 (с предшествующей литературой)].

К сожалению, мало чем нам могут помочь материалы из Мидии. Хотя в ходе раскопок на Хегматане-тепе в Хамадане было зафиксировано использование квадратного или почти квадратного кирпича различного формата: 33×33×13 см, 40×40×13 см, 45×45×12 см, 47×47×12 см, 49×44×13 см, 50×50×13 см, 52×52×12 см, получить ответ на вопрос, к какой эпохе относятся открытые комплексы, так и не удалось [Sarraf, 1998, S. 327, 329, 335]. В настоящее время считается, что самые ранние слои на этом холме датируются позднепарфянским временем [Boucharlat, 2018, p. 8–9, 28].

На ахеменидском памятнике Дахани-Гуламан (Систан), существовавшем на протяжении 100–150 лет, сначала применялся крупный квадратный кирпич формата 49–50×49–50×10–11 см. Позднее его сменил более мелкий кирпич со сторонами от 32 до 33 см [Scerrato, 1966, p. 10–11, 13, 18–20; Gnoli, 1993; Genito, 2012, p. 374, 376, 377].

Иная картина наблюдается в среднеазиатских сатрапиях державы Ахеменидов. Здесь ещё с доахеменидского времени использовался прямоугольный кирпич, который в дальнейшем постепенно замещался квадратным [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 180; Мокробродов, 2013; Пилипко, 2024, с. 178]. Раньше других областей этот переход произошёл в Хорезме. На городище Кюзели-гыр, возникшем на рубеже VII–VI вв. до н.э. и покинутом не позднее середины или конца V в. до н.э. [Болелов, 2019, с. 64], сначала применялся кирпич стандарта 52×26×10 см. На более поздних стадиях строительства зафиксировано использование кирпича формата 34×34 см и 40×40×10 см [Вишневская, Рапопорт, 1997, с. 159–160]. В усадьбе Дингильдже, датируемой V в. до н.э. [Болелов, 2019, с. 64], стены в основном возводились из квадратного или почти квадратного кирпича формата 43–45×40–44×11–12 см, хотя использовался и кирпич со сторонами 50–54×40–42×12–13 см [Воробьева, 1973, с. 89]. На рубеже V–IV вв. до н.э. стены Большой Айбуйр-калы были сооружены из кирпича со сторонами 40–42×42–43×9–13 см [Мамбетуллаев, 1990, с. 94–95, 98, 101]. Аналогичный кирпич – 40×40×10 см – применялся и при строительстве дворца на городище Калалы-гыр I на рубеже V–IV вв. до н.э. [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 143]. Практически в то же самое время в Хазараспе использовался кирпич несколько больших размеров: 45×44×11 см [Воробьева и др., 1963, с. 168, 170, 198]. Стены и пол Западного загородного

⁷ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить моего коллегу и друга П. Кальери за предоставленную информацию.

комплекса (ЗЗК) Большого Кырк-Кыза, датируемого не ранее рубежа IV–III вв. до н.э., были выполнены из сырцовых кирпичей размером 40–42×40–42×11–12 см [Балахванцев, Двуреченская, 2022, с. 38, 43; 2023, с. 28]. Наконец, в Елхарасе на рубеже IV–III вв. до н.э.⁸ размер стороны квадратного кирпича варьировался от 40 до 49 см⁹ при толщине 10–14 см [Гертман, 1991, с. 277].

В Согде стены Афрасиаба в VII(?)–VI вв. до н.э. сооружались из плоско-выпуклого кирпича формата 42–46×30–33×5–9 см, 44×27×7 см, 52×25×9 см, 55–60×27–30×8–10 см, а при Ахеменидах стал использоваться плоский продолговатый кирпич с размерами 52×25×11 см, 58×25×11 см, 62×22×12,5 см, 62×27×10 см, 67×28×12 см, 70×26×11 см [Иневаткина, 2002, с. 26–27, 30]. Однако на городище Коктепа, расположенном в 25–30 км к северу от Самарканда, квадратный кирпич формата 44–46×44–46×12–14 см применялся уже в ахеменидское время [Исамиддинов, Рапен, 2000, с. 204]. Внутренняя стена Еркургана в середине I тыс. до н.э. была построена из прямоугольного кирпича со сторонами 48–54×32–36×10–15 см [Сулейманов, Туребеков, 1978, с. 61–62]. Самая ранняя строительная конструкция Пайкенда – платформа – была сооружена из плоско-выпуклого кирпича формата 45–47×25×8–9 см и 50–54×24–26×8–9 см, а возведённая в первой половине III в. до н.э. непосредственно на ней первая крепостная стена цитадели – уже из прямоугольных и квадратных кирпичей со сторонами 50×?×9–10 см, 43–45×?×11 см, 45×45×10 см и 42×34×10 см [Омельченко, Мокробородов, 2019, с. 94, 101, 103].

Особый интерес представляют материалы из Бактрии. Так, на поселении Кызылтапе (Сурхандарьинская обл., Миршадинский оазис) в слоях VI–V вв. до н.э. фиксируется кирпич размера 40–48×27–29×9–12 см [Сагдуллаев, 1987, с. 21, 40]. На расположенной в непосредственной близости от него усадьбе Кызылча 6 в это же время применялся кирпич формата 37–42×25–28×9–12 см, который в IV в. до н.э. стал несколько меньше: 36–38×24×8–10 см [Сагдуллаев, 1987, с. 21, 40, 42]. В крепости Талашкантепе I (Сурхандарьинская обл., Шерабадский оазис) на этапе Кучук IV, который датируется концом VI–V вв. до н.э., отмечено использование кирпича формата 60–62×29–30×10–12 см [Шайдуллаев, 2000, с. 52, 92, 106]. На поселении Киндыктепа (Сурхандарьинская обл., Байсунский район) верхняя часть стены, датируемая VI в. до н.э., сложена из прямоугольного кирпича со сторонами 42×28×10 см и 46×30×10 см [Сагдуллаев, 2005, с. 306]. На соседнем памятнике Газимуллатепа в ахеменидский период использовался кирпич размера 58×28×12 см [Ртвеладзе, 2007, с. 89]. На Тиллятепе в Северном Афганистане в ахеменидское время в ходу был кирпич формата 46–60×24–32×8–11 см [Сарианиди, 1989, с. 6, 37]. На Кампыртепа в конце IV – первой половине III в. до н.э. всё ещё использовался прямоугольный кирпич со сторонами 48×24–30×9 см, 50×30×9 см, 50×40×10 см, 52×26–28×9 см, 52×26×10–11 см, 53×30×9 см [Двуреченская, 2015, с. 199; Ртвеладзе, 2017, с. 71].

Число рассматриваемых памятников можно легко приумножить [Мокробородов, 2013, с. 14–16], но и приведённых выше данных вполне достаточно для того, чтобы отвергнуть предположение о датировке тахтисангинского кирпича ахеменидским временем.

КОЛОННЫЕ БАЗЫ

Можно ли утверждать, что композитный характер колонных баз свидетельствует об изготовлении последних в ахеменидскую эпоху? Появлению такого представления невольно способствовал Б.А. Литвинский, утверждавший, что тахтисангинские базы со съёмными

⁸ О дате основания Елхараса см. [Bongard-Levin, Koshelenko, 2007, p. 49–50 (с предшествующей литературой)].

⁹ Применение квадратного кирпича формата 48–50×48–50 см зафиксировано и на Бурлыкале в ходе работ российско-каракалпакской экспедиции в мае 2024 г. Материал пока не опубликован.

торами примыкают к аналогичным ахеменидским базам из Западного Ирана и предшествуют монолитным базам из Ай-Ханум [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 141, 153]. Однако даже имевшиеся к концу XX в. факты плохо укладывались в прокрустово ложе теории, представляющей генеральную линию развития колонных баз в виде превращения композитных ахеменидских в монолитные эллинистические. После же появления в начале нашего века новых данных определённая корректировка схемы Б.А. Литвинского стала абсолютно необходимой [Балахванцев, 2017, с. 88].

Монолитные торовидные базы появились уже в ассирийское время [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 145] и продолжали использоваться при Ахеменидах. Базы из дворца S в Пасаргадах с двуступенчатым плинтом и круглым тором были изготовлены из одного блока чёрного камня [Stronach, 1978, p. 59, pl. 54]. Сравнительно недавно монолитные базы с двухступенчатым плинтом и круглым тором¹⁰ были открыты в портике [Балахванцев, 2017, рис. 8] и жилых помещениях [Babayev et al., 2019, Abb. 18, 22–23] ахеменидского дворцового комплекса в Караджамирли (Шамкирский район Азербайджана).

С другой стороны, наиболее близкие аналогии тахтисангинским базам с двухступенчатым плинтом и съёмным тором встречаются в древнейших сооружениях Старой Нисы, которые не могут датироваться ранее III в. до н.э. [Балахванцев, 2017, с. 88 (с предшествующей литературой)]. Всё это с неизбежностью доказывает параллельное бытование композитных и монолитных баз в VI–III вв. до н.э., а, может быть, и позднее¹¹. Очевидно, что выбор конструкции торовидных баз в первую очередь определялся качеством имевшегося в распоряжении строителей материала и уровнем мастерства каменотёсов¹².

КЕРАМИКА

Фрагменты позднеахеменидской керамики с подкосом из швов стен теменоса храма Окса были известны уже Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 119–120], однако это не повлияло на их хронологические выводы¹³. И дело не только в том, что на памятнике ни тогда, ни позднее не были открыты слои, которые можно было бы датировать ахеменидским временем. В IV в. до н.э. в среднеазиатских сатрапиях державы Ахеменидов бытовали керамические комплексы типа Яз III. После завоевания Восточного Ирана в 330–327 гг. до н.э. македонской армией ни сам Александр, ни его сатрапы, ставшие впоследствии независимыми правителями, ни основатель династии Селевкидов Селевк I и

¹⁰ Их общую характеристику см. у Ф. Кнаусса [Babayev et al., 2019, S. 181–182]. К сожалению, автор не останавливается специально на вопросе, были ли торы и плинты изготовлены из одного блока, но на фотографиях отчетливо видно, что базы являются монолитными.

¹¹ В 2017 г. к западу от цитадели Тахти-Сангина была обнаружена колонная база, которая, судя по фотографии, состояла из квадратного плинта и круглого тора. Из текста публикации невозможно понять, была ли эта база, которую М. Желен посчитала греко-бактрийской, композитной или монолитной [Желен, 2022, с. 154, илл. 5]. В дальнейшем находке было суждено претерпеть довольно странные метаморфозы. Сначала Н. Ходжаева в своей монографии [Ходжаева, 2023(1), с. 55] без комментариев воспроизвела определение М. Желен, но затем в статье, вышедшей буквально через несколько дней, отнесла базу к числу ахеменидских [Ходжаева, 2023(2), с. 64, 75].

¹² Переход из квадратной плоскости в круглую является сравнительно сложной операцией, требующей от мастера высокой квалификации [Boucharlat, 2018, p. 19, not. 12]. Пользуясь случаем, замечу, что последнее обстоятельство не позволяет полностью согласиться с подходом А.П. Дружининой, видящей в качестве обработки колонных баз только хронологический признак [Дружинина, 2023, с. 30]. Между тем, качество обработки зависело как от квалификации мастеров, так и от иерархии помещений, для которых были предназначены торовидные базы.

¹³ Аналогичным образом находки фрагментов керамических форм, появившихся ещё в ахеменидский период, не привели исследователей Ай-Ханум к выводу о возникновении нижнего города до эпохи Александра [Лионне, 2019, с. 149].

его сын Антиох, разумеется, не пытались навязать местному населению эллинскую керамику. В последней трети IV – первых десятилетиях III в. до н.э. оно продолжало производить и использовать сосуды, генетически связанные с позднеахеменидским периодом [Гаибов, 2004, с. 606; Болелов, 2014, с. 65; Пилипко, 2024, с. 181]. В.Н. Пилипко совершенно обосновано предлагает выделить керамику этого времени в отдельную стадию Яз Шб [Пилипко, 2024, с. 181, 191].

Такая керамика известна из поселений подгорной полосы Копетдага и хорезмийского памятника Кош-калы Кабаклинской [Пилипко, 2024, с. 181–191, 193–195], на Гяур-кале и Эрк-кале в Маргиане [Гаибов, 2004, с. 604–605], в Пайкенде [Омельченко, Мокробородов, 2019, с. 99, 101, 111], Афрасиабе, Коктепа, Сарытепе 2 [Лионне, 2019, с. 150 (с предшествующей литературой)], усадьбе Кызылча 6 [Сагдуллаев, 1987, с. 29], Гишттепа [Мокробородов, 2007, с. 149–151], Курганзоле, Джигатепе [Болелов, 2014, с. 65 (с предшествующей литературой)], Кампыртепа [Двуреченская, 2015, с. 208], Байтудаште II [Абдуллаев, 1987, с. 39]. Она характеризуется как сохранением традиционных цилиндроконических форм, полусферических плоскодонных кубков и чаш, манжетовидных венчиков, так и появлением новых признаков в виде стирания грани между цилиндром и конусом, изменения формы венчиков хумчей [Сагдуллаев, 1987, с. 29–30; Шайдуллаев, 2000, с. 106; Болелов, 2014, с. 65; Двуреченская, 2015, с. 208].

Керамический комплекс эпохи эллинизма формируется в Бактрии и соседних сатрапиях державы Селевкидов не ранее начала III в. до н.э. под сильным греческим влиянием [Гаибов, 2004, с. 606; Болелов, 2014, с. 65; Пилипко, 2024, с. 191]. Такое влияние, в свою очередь, стало возможным благодаря массовому переселению эллинов в «верхние» сатрапии, а также трудовой кооперации греческих и местных мастеров [Балахванцев, 2017, с. 54]. При этом необходимо учесть, что изменения в керамике и материальной культуре в целом происходили постепенно и в разных местах по-разному: быстрее в Бактрах и Антиохии Маргианской, где должно было быть сравнительно много эллинов, и гораздо медленнее в удалённых от административных центров районах вроде Тахти-Сангина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ сырцовых кирпичей, колонных баз и керамики из храма Окса показывает, что достаточных оснований отказываться от обоснованной Б.А. Литвинским даты постройки святилища в Тахти-Сангине¹⁴ не существует. Однако значение рассмотренных в статье археологических источников далеко выходит за рамки хронологии только одного памятника. Сохранение как прежних размеров кирпичей, так и керамических форм типа Яз III при переходе от ахеменидской к эллинистической эпохе наглядно свидетельствует в пользу относительной асинхронности изменений, происходивших в политической сфере и материальной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абдуллаев А. Памятники раннего железного века в Пянджском районе. *Прошлое Средней Азии*. Ред. В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1987. С. 38–44 [Abdullaev A. Monuments of the Early Iron

¹⁴ Б.А. Литвинский предполагал, что основание храма произошло в период наместничества сына Селевка I Антиоха в «верхних» сатрапиях [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 368]. По мнению моей коллеги Е.М. Берзон, прозвучавшему на симпозиуме 2023 г., клинописные источники позволяют датировать начало осуществления Антиохом своих полномочий в Бактрии 297 г. до н.э. Возможно, что закладка храма Окса имела место именно в это время.

Age in the Panj District. *The Past of Central Asia*. Ed.: V.A. Ranov. Dushanbe: Donish, 1987. Pp. 38–44 (in Russian)].

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *A Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Двуреченская Т.О. Раскопки Западного загородного комплекса Большого Кырк-Кыза в 2021 году. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 36–45 [Balakhvantsev A.S., Dvurechenskaya T.O. Excavation of the Western Suburban Complex of Bol'shoi K'irk-K'iz in 2021. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 36–45 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Двуреченская Т.О. Раскопки Западного загородного комплекса Большого Кырк-Кыза в 2022 году. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 26–36 [Balakhvantsev A.S., Dvurechenskaya T.O. Excavation of the Western Suburban Complex of Bol'shoi K'irk-K'iz in 2022. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 26–36 (in Russian)].

Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из Храма Окса, Тахти-Сангин). *Российская археология*. 2014. № 4. С. 64–74 [Bolelov S.B. Notes on the Bactrian Pottery (on the Question about Dating the Cast Form of the Bronze Cauldron from the Temple of Oxus, Takhti-Sangin). *Russian Archeology*. No. 2. Pp. 64–74 (in Russian)].

Болелов С.Б. Хумбузтепа. Производственный центр эпохи раннего железного века в южном Хорезме (археологические исследования 1996–1997 гг.). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.)*. Ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 23–66 [Bolelov S.B. Khumbuztepa. The Production Center of the Early Iron Age in South Chorasnia (Archaeological Studies 1996–1997). *The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanians: History, Archaeology, Culture. Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Boris Anatolevich Litvinsky (Moscow, April 16–18, 2018)*. Eds.: A.S. Balakhvantsev, N.A. Makkaveev. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 23–66 (in Russian)].

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. *Вестник древней истории*. 1997. № 2. С. 150–173 [Vishnevskaya O.A., Rapoport Yu.A. The Site of Kyuzeli-gyr. On the Early Stage of the History of Khorezm. *Journal of Ancient History*. 1997. No. 2. Pp. 150–173 (in Russian)].

Воробьева М.Г. *Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме*. М.: Наука, 1973 [Vorobyova M.G. *Dingildzhe. Estate of the Middle of the 1st Millennium BC in Ancient Chorasmia*. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].

Воробьева М.Г., Лапиоров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. *Материалы Хорезмской экспедиции*. Вып. 6. М.: Наука, 1963. С. 157–200 [Vorobieva M.G., Lapirov-Skoblo M.S., Nerazik E.E. Archaeological Works in Khazarasp in 1958–1960. *Materials of the Chorasmian Expedition*. Iss. 6. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 157–200 (in Russian)].

Гаибов В.А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2004. Вып. XIV. С. 600–608 [Gaibov V.A. The Early Hellenistic Margian Ceramics. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2004. Iss. XIV. Pp. 600–608 (in Russian)].

Гертман А.Н. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса. *Древности Южного Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. XVI. М.: Наука, 1991. С. 277–286 [Gertman A.N. Mud Bricks of Kaparas and Elkharas. *Antiquities of South Chorasmia. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. XVI. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 277–286 (in Russian)].

Двуреченская Н.Д. К вопросу о раннеэллинистической керамике Бактрии (по материалам закрытого комплекса из террасного дома на Кампыртепа). *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. 2015. Т. III (XXVIII). С. 197–228 [Dvurechenskaya N.D. On the Early Hellenistic Pottery of Bactria (on the Basis of a Closed Complex from the Terrace House at Kampyrtepa). *Memoirs of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society*. 2015. Vol. III (XXVIII). Pp. 197–228 (in Russian)].

Дружинина А.П. Строительные элементы и объекты ахеменидского времени из храма Окса. *Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума*. Душанбе: Дониш, 2023. С. 23–45 [Druzhinina A.P. Building Elements and Objects

of the Achaemenid Period from the Temple of Oxus. *Takht-i Sangin as an Example of the Synthesis of the Civilizations of East and West. Proceedings of the International Scientific Symposium*. Dushanbe: Donish, 2023. Pp. 23–45 (in Russian)].

Желен М. Такhti Сангин, 2017. Предварительный отчет. *Археологические работы в Таджикистане*. 2022. Вып. 42. С. 153–162 [Gelin M. Takht-i Sangin, 2017. Preliminary report. *Archaeological works in Tajikistan*. 2022. Iss. 42. Pp. 153–162 (in Russian)].

Иневаткина О.Н. Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э. *Материальная культура Востока*. Вып. 3. М., 2002. С. 24–46 [Inevatkina O.N. Fortification of the Acropolis of Ancient Samarkand in the Middle of the First Millennium BC. *Material Culture of the East*. Iss. 3. Moscow, 2002. Pp. 24–46 (in Russian)].

Исамиддинов М., Рапен К. Городище Коктепа и некоторые вопросы ранней урбанизации Самаркандского Согда. *Средняя Азия. Археология. История. Культура*. Ред. О.Н. Иневаткина. М.: Пересвет, 2000. С. 203–204 [Isamididinov M., Rapen K. The Koktepa Settlement and Some Issues of Early Urbanization of Samarkand Sogd. *Central Asia. Archaeology. History. Culture*. Ed.: O.N. Inevatkina. Moscow: Peresvet, 2000. Pp. 203–204 (in Russian)].

Искендеров Э., Кнауус Ф., Каниут К. Археологические раскопки Гараджамирлинского комплекса. *Исследования по археологии Азербайджана*. Ред. Н. Мусеибли. Баку: ИАЭ, 2019. С. 115–128 [Iskenderov E., Knauss F., Kaniuth K. Archaeological Excavations of the Garadzhmirli Complex. *Research on the Archeology of Azerbaijan*. Ed.: N. Museibli. Baku: IAE, 2019. Pp. 115–128 (in Russian)].

Лионне Б. Эллинистическая керамика из героона Кинея в Ай-Ханум (Афганистан). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.)*. Ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 137–152 [Lyonnet B. Hellenistic Ceramic from the Heroon of Kineas in Ai Khanum (Afghanistan). *The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanians: History, Archaeology, Culture. Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Boris Anatolevich Litvinsky (Moscow, April 16–18, 2018)*. Eds.: A.S. Balakhvantsev, N.A. Makkaveev. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 137–152 (in Russian)].

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. *Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты*. М.: Восточная литература, 2010 [Litvinsky B.A. *The Temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan)*. Vol. 3. Art. Fine Art. Musical Instruments. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. *Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь*. М.: Восточная литература, 2000 [Litvinsky B.A., Pichikian I.R. *Hellenistic Temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan)*. Vol. 1. Excavations. Architecture. Religious Life. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000 (in Russian)].

Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбууйр-кала (раскопки 1976–1977 и 1981 гг.). *Археология Приаралья*. Вып. IV. Ташкент: Фан, 1990. С. 91–131 [Mambetullaev M. Great Aybuyir-Kala Settlement (1976–1977 and 1981 Excavations). *Archeology of the Aral Region*. Iss. IV. Tashkent: Fan, 1990. Pp. 91–131 (in Russian)].

Мандельштам А.М. *Кочевники на пути в Индию*. М. – Л.: Наука, 1966 [Mandelstam A.M. *Nomads on the Way to India*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966 (in Russian)].

Мокробородов В.В. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. *Трансоксиана – Мавераннахр: Сборник статей. Академику Э.В. Ртвеладзе в честь 65-летия – его ученики и коллеги*. Ташкент: Sa'nat, 2007. С. 148–155 [Mokroborodov V.V. Gishttepa in the Village of Pashkhurt. Preliminary Results of Research in 2004–2006. *Transoxiana – Mavarannahr. A Collection of articles. Papers in honor of Academician E.V. Rtveladze on the Occasion of the Sixty Fifth Anniversary from his Students and Colleagues*. Tashkent: Sa'nat, 2007. Pp. 148–155 (in Russian)].

Мокробородов В.В. Формат сырцового кирпича как дополнительный источник по хронологии памятников раннежелезного века. *Археология Узбекистана*. 2013. № 1 (6). С. 12–20 [Mokroborodov V.V. The Format of a Mad Brick as an Additional Source on Chronology of Sites of the Early Iron Age. *Archaeology of Uzbekistan*. 2013. No. 1 (6). Pp. 12–20 (in Russian)].

Омельченко А.В., Мокробородов В.В. Керамические комплексы эллинистического времени из Пайкенда: новые данные. *История материальной культуры Узбекистана*. 2019. Вып. 40. С. 92–114 [Omelchenko A.V., Mokroborodov V.V. Ceramic Complexes of the Hellenistic Time of Paikend: New Data. *The History of Material Culture of Uzbekistan*. 2019. Iss. 40. Pp. 92–114 (in Russian)].

Пилипко В.Н. О финальной стадии активного использования керамических комплексов типа Яз III. *Бактрия*. Т. 2. *Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара и «Великой Бактрийской стены» в 2022 году. Новые данные по восточному эллинизму*. М.: ИА РАН, 2024. С. 177–195 [Pilipko V.N. About the Final Stage of Active Use of Ceramic Complexes of the Yaz III Type. *Bactria*. Vol. 2. *Materials of Archaeological Research of the Hellenistic Fortress of Uzundara and the “Great Bactrian Wall” in 2022. New data on Eastern Hellenism*. Moscow: IA RAS, 2024. Pp. 177–195 (in Russian)].

Пичикян И.Р. *Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды)*. М.: Наука, 1991 [Pichikian I.R. *Culture of Bactria (Achaemenid and Hellenistic periods)*. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А., Лапилов-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г. *Материалы Хорезмской экспедиции*. Вып. 6. М.: Наука, 1963. С. 141–156 [Rapoport Y.A., Lapirov-Skoblo M.S. Excavations of the Palace Building at the Kalaly-gyr 1 Settlement, 1958. *Materials of the Chorasmian Expedition*. Iss. 6. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 141–156 (in Russian)].

Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. 3. *Археология, история и этнография*. Ташкент, 2007. С. 67–95 [Rtveladze E.V. Archaeological Research in Bandykhan in 1974–1975. *Review of the Boysun Scientific Expedition*. Iss. 3. *Archaeology, History and Ethnography*. Tashkent, 2007. Pp. 67–95 (in Russian)].

Ртвеладзе Э.В. *Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. – I в. до н.э.)*. Ташкент: Sa'nat, 2017 [Rtveladze E.V. *Kampyrtepa – Alexandria Oxiana: The City and Fortress on the Oxus in the Hellenistic and Post-Hellenistic Epochs (from late 4th till 1st century BC)*. Tashkent: Sa'nat, 2017 (in Russian)].

Сагдуллаев А.С. *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент: Фан, 1987 [Sagdullaev A.S. *Estates of Ancient Bactria*. Tashkent: Fan, 1987 (in Russian)].

Сагдуллаев А.С. О работах на поселении Бандыхан II и раскопках кургана 1 могильника Сарыбанд. *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. 2. *История и традиционная культура Байсуна*. Ташкент, 2005. С. 305–306 [Sagdullaev A.S. Survey of Bandykhan 2 Settlement and Excavations at Mound 1 of Saryband Burial Ground. *Review of the Boysun Scientific Expedition*. Iss. 2. *History and Traditional Culture of Boysun*. Tashkent, 2005. Pp. 305–306 (in Russian)].

Сарианиди В.И. *Храм и некрополь Тиллятепе*. М.: Наука, 1989 [Sarianidi V.I. *Temple and Necropolis of Tillyatepe*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Сулейманов Р.Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана. *История материальной культуры Узбекистана*. 1978. Вып. 14. С. 60–65 [Suleimanov R.Kh., Turebekov M. Stages of Development of the Fortification System of Erkurgan. *History of Material Culture of Uzbekistan*. 1978. Iss. 14. Pp. 60–65 (in Russian)].

Ходжаева Н.Дж. *Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии*. Душанбе: Дониш, 2023(1) [Khojaeva N.J. *Takht-i Sangin in the History and Culture of Central Asia*. Dushanbe: Donish, 2023(1) (in Russian)].

Ходжаева Н.Дж. Новый взгляд на проблему датировки Тахти-Сангина. *Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума*. Душанбе: Дониш, 2023(2). С. 64–82 [Khojaeva N.J. A New Look at the Problem of Dating of Takht-i Sangin. *Takht-i Sangin as an Example of the Synthesis of the Civilizations of East and West. Proceedings of the International Scientific Symposium*. Dushanbe: Donish, 2023(2). Pp. 64–82 (in Russian)].

Шайдуллаев Ш.Б. *Северная Бактрия в эпоху раннежелезного века*. Ташкент, 2000 [Shaydullaev Sh.B. *Northern Bactria in the Period of Early Iron Age*. Tashkent, 2000 (in Russian)].

Askari Chaverdi A., Callieri P. Tol-e Ajori and Takht-e Jamshid: a Sequence of Imperial Projects in the Persepolis Area. *East and West*. 2020. Vol. 1 (60). Pp. 177–204.

Atai M.T., Boucharlat R. An Achaemenid Pavilion and Other Remains in Tang-i Bulaghi, Tang-i Bulaghi Reports 4: TB 85–34. *ARTA*. 2009. Vol. 5. Pp. 1–33.

Babayeв I., Knauss F., Ališov N., Balakhvantsev A., Gagošidze I., Güttte M., Gutsche F., Laliašvili Š. Die achaimenidische Residenz bei Karacamirli. Ausgrabungen auf dem Gurban Tepe, auf dem Rizvan Tepe und bei Dara Yatax. Vorbericht über die 5., 6. und 7. Kampagne 2010, 2011, 2013. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2016 [2019]. Bd. 48. S. 143–187.

Bernard P. L'Asie Centrale et l'Empire Séleucide. *Topoi. Orient – Occident*. 1994. Vol. 4(2). P. 473–511.

Bongard-Levin G.M., Koshelenko G.A. The Puzzle of Elkharas. *East and West*. 2007. Vol. 55. Pp. 41–53.

Boucharlat R. Other Works of Darius and His Successors. *The Palace of Darius at Susa. The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Ed.: J. Perrot. London: I.B. Tauris, 2013. Pp. 358–407.

Boucharlat R. Les traces archéologiques des palais achéménides de Hamadan. *ARTA*. 2018. Vol. 2. Pp. 1–34.

Boucharlat R., Labrousse A. Le palais d'Artaxerxès II sur la rive droite du Chaour à Suse. *Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran*. 1979. T. 10. Pp. 21–136.

Francfort H.-P. Takht-i Sangin: on the Pre-Hellenistic Finds. *Takht-i Sangin as an Example of the Synthesis of the Civilizations of East and West. Proceedings of the International Scientific Symposium*. Dushanbe: Donish, 2023. Pp. 6–22.

Gagoshidze I. South Caucasus and Achaemenids. *Beyond Aragats. Archaeological Studies in Memory of Telemak Khachatryan*. Eds.: H. Avetisyan, A. Bobokhyan. Yerevan: Gitutyun, 2018. Pp. 225–232.

Genito B. An Achaemenid Capital of the Imperial Periphery: Zranka/Drangiana/Sistan. *Persepolis and its Settlements, Territorial System and Ideology in the Achaemenid State*. Eds. G.P. Basello, A.V. Rossi. Napoli, 2012. Pp. 365–386.

Ghirshman R. *Village Perse-Achéménide (Mémoires de la Mission Archéologique en Iran*. T. XXXVI). Paris, 1954.

Gnoli G. Dahan-i Gulaman. *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. VI (6). Pp. 582–585.

Hesse A. Métrologie statistique d'éléments architecturaux des palais achéménides de Suse (briques et bases carrées). *Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran*. 1972. T. 2. Pp. 219–241.

Perrot J., Le Brun A., Labrousse A. Recherches archéologiques à Suse et en Susiane en 1969 et en 1970. *Syria*. 1971. T. 48 (1–2). Pp. 21–51.

Sarraf M.R. Neue architektonische und städtebauliche Funde von Ekbatana-Tepe (Hamadan). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1997 [1998]. Bd. 29. S. 321–339.

Scerrato U. Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan-Iran), First Preliminary Report (1962–1963). *East and West*. 1966. Vol. 16. Pp. 9–30.

Schmidt E.F. *Persepolis*. Vol. I. *Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1953.

Stronach D. *Pasargadae. A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press, 1978.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Head of the Center for Archeology of Pre-Islamic East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.